

«Я сказала, что постепенно прихожу к такому убеждению: лирическая поэзия расположена где-то неподалеку от этики».

— Да, конечно,— медленно произнесла Анна Андреевна.— Во всяком случае в некоторые эпохи».

В ИЮНЕ «Нева» стала печатать, а издательство «Книга» уже успело выпустить первый том «Записок об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской. Если не говорить о юбилейных изданиях самой Ахматовой, это лучший подарок нашему читателю к ее столетию. В отличие от уже немалой мемуарной литературы об Ахматовой, как правило, несвободной от позднейших ошибок памяти, перед нами уникальная книга, составленная из подлинных дневниковых записей, которые вела Лидия Чуковская в 1938—1941 (т. 1) и в 1952—1962 гг. (т. 2). Это бережное, выполненное рукой истинного друга описание жизни Ахматовой, ее быта, неурядиц, драматических событий ее личной судьбы; это целая антология интереснейших высказываний Ахматовой о самых разных явлениях русской и мировой культуры, входивших в ее духовный обиход, и вместе с тем это превосходный справочник, дающий обстоятельный комментарий ко многим и многим шедеврам ахматовской лирики, рождение которых происходило на глазах Лидии Чуковской. Словом, это сама Ахматова, и это Лидия Чуковская, живущая рядом, вместе, внимательно ее слушающая, соглашающаяся или спорящая... и неизменно замирающая в благоговейном восторге перед чудом поэтического священнодействия всякий раз, когда при ней рождается или звучит ахматовское слово.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ. ЧТО ПРОИЗОШЛО

Рубрику ведет
Игорь ВИНОГРАДОВ

Анна Ахматова.

ского» сознания, настороженно вздрагивающего при слове «интеллигенция». Но что же здесь парадоксального? Разве подлинная интеллигентность — это не высший уровень духовно-нравственной развитости человека, той его порядочности, когда любое соглашательство с ложью и злом — в личной ли судьбе, в отношении ли к общим условиям жизни — становится для человека просто психологически невозможным, чем-то бесчестным, унижительным, непереносимым? А что же такое и есть наш народ, если не человеческое прежде всего сообщество, не живые люди, главнейшая смертная тоска которых на протяжении вот уже скольких десятилетий лишь в том и состоит, чтобы выпрямиться в людей, стать человеческим обществом? Да и каким же еще иным путем они могут стать народом!..

Вот почему и нет ничего удивительного в том, что если вы до конца исполните свой долг интеллигента — долг неуклонного отвержения на вашем пути всего, что в наш век так страшно противостоит чести, достоинству и свободе человека, его праву на социальную справедливость, красоту и добро,— вы и сделаете самое лучшее, что только можете сделать для своего народа. И ваша личная судьба именно в этих точках скрещения с судьбой народной с наибольшей полнотой и примет в себя ее главную боль, жажду и трагедию. Гордо провидя, что слух о нем «пройдет по всей Руси великой», что поставил наш Пушкин своей поэзии в заслугу перед народом? Может быть, ее «русский дух», национальное достоинство, патриотизм? Нет, всего лишь «чувства добрые», которые пробуждал он своей лирой, «свободу», которую восславил он в свой жестокий век, и «милость к падшим», которую он призывал. Вот так-то — «всего лишь»...

Но если даже в его «жестокий век» именно этот подвиг непокорной человечности прежде всего

СУДЬБЫ СКРЕЩЕНИЯ

Эта чуткость к самому «веществу» поэтического слова Ахматовой, к его, как пишет Чуковская, «душепреображающему» действию, может быть, первое, чем сразу же вызывает ее книга благодарный отклик у читателей. Но все-таки главное в книге — это, конечно, образ самой Ахматовой. А в этом образе — то, что для Чуковской, безусловно, первично и в духовном составе самой личности Ахматовой. Та ее интеллигентность, та высокая культура ее внутреннего мира, тот благородный аристократизм ее духа, словом, та, я бы сказал, духовная подлинность Ахматовой, которая есть своего рода фокусный центр этого образа в книге Лидии Чуковской, стягивающей к себе все остальные его ракурсы, — аура этого образа, его суть и природа. Причем в этой духовной своей подлинности Ахматова одинаково несомненна для Чуковской и тогда, когда речь заходит о ее ранних стихах, и когда она рассказывает о ее позднейшей поэзии и судьбе. И это очень важный момент, свидетельствующий, может быть, о проникновении Лидии Чуковской действительно в самую суть феномена Ахматовой — в тайну ее личности и ее поэзии.

В самом деле, было бы слишком большим упрощением представлять себе эволюцию Ахматовой от пресловутой «камерности» ее ранней любовной лирики к позднему космосу ее поэзии, вобравшему в себя и жизнь, и смерть, и личную судьбу, и трагедию страны, как результат какой-то радикальной внутренней перемены в самом ядре ее личности, когда обвал истории втянул ее в свои катастрофические смерчи и, выбросив в трагический космос нового исторического бытия, заставил обратиться к нему свое лицо. Этого обращения и вбирания в себя этого космоса никогда бы не произошло, если бы такая возможность не была изначально заложена в самом духовном составе ее личности. Вглядитесь в раннюю Ахматову, даже в самые слабые тогдашние ее строки — ведь чем более всего они поражают? Тем, что даже сквозь все изломы привычной тогда для Ахматовой декадансной культуры, сквозь дурманящие пары эстетизма, воскуренного на знаменитой «башне» Вячеслава Иванова, сквозь общий для эпохи романсовый надрызг, от которого не был свободен и Блок, — даже и тогда сквозь все это неизменно, и год от года все более упрямо и обещающе проступал лик именно некоей удивительной и высокой человеческой подлинности, лик высокого духовного благородства, нравственного достоинства, прямоты и честности чувства. Ее поэзия и в те годы никогда не была поэзией распада, поэзией богемы, но только поэзией собирания и утверждения жизни в гармонии нравственности и красоты, поэзией той исконно интеллигентной среды русского культурного слоя, которая проходила свой нелегкий путь искания жизненной истины, преодолевая духовные и художественные соблазны тогдашнего повального релятивизма. Вот почему, кстати, вовсе не под влиянием моды и вовсе не мечущейся, а такой сосредоточенной и непрестанной уже и тогда была молитвенная обращенность ее лирики к небу. И вот почему даже самые раскаленные стихи тогдашней любовной лирики Ахматовой исполнены всегда такого удивительного внутреннего

целомудрия — качество, о котором не раз и очень точно говорит в своей книге Лидия Чуковская.

Да, она права в своей уверенной интуиции: духовное единство личности ранней и поздней Ахматовой абсолютно неразложимо, хотя судьба поздней и в самом страшном сне не могла бы, наверно, привидеться той «царскосельской веселой грешнице» (как потом назовет Ахматова себя тогдашнюю), что была «любимицей всех друзей». Этой любимице и насмешнице доведется очнуться в мире, где все будет «расхищено, предано, продано», где родной, любимый с детства город «ненужным привеском» будет болтаться возле своих тюрем и она сама долгих семнадцать месяцев проведет в страшных его очередях, когда застенки отнимет у нее сына. Она пройдет через травлю и улюлюканье, узнает нужду и бездомность, бывшие знакомые, встречая ее, начнут переходить на другую сторону улицы, чтобы не здороваться, и все больше будет она видеть вокруг себя тех до конца упившихся «яростным вином блудодеяния», кому уже ни «чистой правды не выдать лица», ни «слезного не ведать покаянья...». Откуда возьмет она силы, чтобы пройти этот путь, ни разу почти не оступившись, гордо и высоко пронеся через весь этот апокалипсис свое человеческое достоинство, ничем не осквернив свой скорбный дух?

Откуда? Но кто может ответить на этот вопрос? Разве один лишь Бог. Мы же, читая книгу Лидии Чуковской и вместе с ней наблюдая за тем, как судьба шаг за шагом лепила «из этой знаменитой и заброшенной, сильной и беспомощной женщины извятие скорби, сиротства, гордыни и мужества», с предельной ясностью видим лишь то, что она никогда не смогла бы пройти этот путь так, как она его прошла, если бы не обладала той духовной подлинностью истинного интеллигента, которая и составляла изначально ядро ее личности. Именно это ядро удалось ей в себе сохранить, оно не распалось, напротив — еще более кристаллизовалось и отвердело в ней, сопротивляясь внешнему давлению новых трагических условий ее бытия. И потому, сохранившись, оно проявило себя так, как только и могло проявить: при всех своих житейски-человеческих слабостях Ахматова и новую свою жизнь прожила, ничего не уступив из духовного достояния своей изначальной интеллигентности — ни чести, ни благородства; ни впитанной в себя высокой культуры, ни аристократической безгильности своего духа ко всяческой пошлости и нравственной нечистоплотности, ни честной трезвости духовного зрения. Оттого, надменно и твердо отводя от себя любые утешительные иллюзии, она и сумела пронести крест своей судьбы так, что судьба эта стала примером великого духовного непокорства и противостояния тотальному злу.

Вот это величие ее духа, запечатленное ее личной судьбой и ее исповедальной лирикой, и есть то, что дало право Александру Солженицыну сказать, что в поэзии Ахматовой выразилась душа России. Это и есть то, что сделало ее, сугубо «интеллигентскую» как будто бы «поэтессу», великим поэтом нашего народа. Мнимый этот парадокс до сих пор, правда, остается камнем преткновения для традиционного «народниче-

и сделал его поэтом, «любезным народу», то разве в наш еще более жестокий век критерии стали иными?..

Вот почему «непокорный стих» Анны Ахматовой (какой значимый отзвук пушкинского слова!) тоже стал душой России — нынешней России, и она имела право сказать, что ее измученным ртом кричал «стомильонный народ». И самый поразительный урок ее судьбы именно в том, может быть, и состоит, что судьба эта свидетельствует: и в наше время, как и раньше, никакая поэзия не становится и не может стать «душой народа», если поэт не совершит свой реальный личный духовный подвиг на том всегдашнем Куликовом поле нашей общей жизни, где и сегодня, сейчас идет смертная битва с обступившей нас со всех сторон дьявольской нежизнью за нашу нашу жизнь на родной земле, за наше человеческое достоинство и честь. И пусть этот подвиг поэту приходится совершать иной раз даже и в ситуации непонимания — в ситуации тяжко помраченного дьяволом и самого народного сознания. Все равно придет час, наступит прозрение, и благодарное народное чувство удостоверит, что именно тот и только тот, кто на своем личном пути шел неуклонно и твердо одной лишь дорогой чести, как раз и спасал честь своего народа — его духа, его культуры, откуда бы ни начинал он этот путь — из крестьянской избы или из столичного литературного салона.

Этот путь — свой личный путь чести — прошла и Лидия Чуковская. Ей тоже довелось вместе с Анной Ахматовой долгие месяцы выстоять в ленинградских тюремных очередях, и в 1939—1940 гг. она тоже написала свой «реквием» — знаменитую ныне повесть «Софья Петровна». Ей тоже выпало пройти и через неоднократную травлю, и через исключение из Союза писателей за то, что она подняла свой голос в защиту Солженицына и Сахарова. Но и все последующие 14 лет, что имя ее находилось под запретом, голос ее неизменно и мужественно звучал всякий раз, когда большинство пряталось и юлило и нужно было спасать честь русского писателя, русской интеллигенции — честь нации и страны. Она тоже прошла этот путь не согнувшись, с гордым достоинством скорбного духа, и не потому ли, что на этом пути ее собственная судьба так же, как судьба Ахматовой, скрепившись с судьбой страны, вобрала в себя ее боль, она и сумела написать такую книгу об Ахматовой? Книгу, в которой образ этой великой подвижницы оттого и увиден с такой пронзительной ясностью в самом главном, глубинном измерении его духовной подлинности, что он увиден глазами ее сестры по духу — такой же подвижницы, как и она. Чем, каким словом мы можем выразить сегодня свое преклонение перед таким и высоким подвигом таких людей, отстаивавших свое достоинство, свою честь русского интеллигента, а тем спасавших и нашу общую честь? Мы можем только низко склонить перед ними головы, живыми и умершими. И постараться хотя бы сегодня пребыть верными их примеру. Во всех — и нынешних, и кто знает каких еще предстоящих скрещениях наших собственных судеб с судьбой нашей трагической страны...